

ПОПАДАЮЩИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

АНДРЕЙ ГОНЧАРОВ

БУНТАРЬ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

В оформлении переплета использована
иллюстрация *Анатолия Дубовика*

Гончаров, Андрей.
Г65 Бунтарь ее величества / Андрей Гончаров. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Попа-
данцы специального назначения).

ISBN 978-5-699-92376-2

Оперативники специального назначения откомандиро-
ваны в далекое прошлое с крайне сложной миссией: выяс-
нить, кто из высших чиновников внушил Емельяну Пугаче-
ву идею назваться царем Петром Третьим и спонсировал
самый драматический бунт в истории России. Консультант
Полушкин проделывает смертельно опасный трюк: он про-
никает прямо в камеру, в которой содержится плененный
Емельян Пугачев, и пытается узнать у него, участвовал ли в
подготовке восстания кто-нибудь из окружения императри-
цы. Пугачев подтверждает: да, были такие, но назвать имена
не успевает...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92376-2

© Гончаров А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЯТЕЖ

Глава 1

Каждый из русских государей имел своего доверенного палача. Это зависело не от характера властителя — жесток он был и зол или, напротив, добродушен и мягок, — а диктовалось государственной необходимостью. Где власть — там принуждение, а также средства немалые. А где средства и дисциплина — там всегда есть людишки, склонные богатства присвоить, а из подчинения выйти. Следовательно, нужен тот, кто таких воров будет искать и наказывать. И, что интересно, характер главного царского палача всегда был сильно похож на характер самого властителя. У царя Ивана Васильевича, прозванного Грозным, дознанием ведал Малюта Скуратов — палач, можно сказать, по призванию. У первого русского императора Петра Алексеевича тайными делами ведал князь Федор Юрьевич Ромодановский. Великий преобразователь земли русской Петр Алексеевич отличался умом, широтой взглядов и крутым нравом — и таков же был и князь-кесарь Федор Юрьевич, творивший сыск сурово, но без лишней жестокости.

У славной государыни, императрицы Екатерины Алексеевны, известной своими просвещенными взглядами и умом, но имевшей при этом некоторые, как бы это деликатней сказать, особенности, был свой главный дознаватель — Степан Иванович Шешковский, сын простого канцеляриста, мелкого дворянина, служившего в Сенате. Сложение Степа Шешковский имел неказистое, внешность незнатную (в его лице было нечто бабье), умом особым не отличался и, однако же, сделал при великой императрице замечательную карьеру, став главой Тайной экспедиции (сие учреждение пришло на смену Тайной канцелярии, упраздненной Петром III).

Императрица поручала Степану Шешковскому самые сложные дела, требовавшие сугубой секретности. Он допрашивал весьма знатных особ, которые попадали от него в полную зависимость. Так, он вел допросы известного заговорщика Василия Мировича, графини Екатерины Бутурлиной, генерал-майорши Кожиной, иркутского наместника Ивана Якоби, бунтовщиков Новикова и Радищева. Во время допросов охотно пускал в дело кнут и другие орудия пыток. При встречах с ним светлейший князь Григорий Потемкин-Таврический, презиравший Шешковского, обычно спрашивал его: «Ну, как кнутобойничаешь, Степан Иванович?», на что глава Тайной канцелярии с подобострастием отвечал: «Помаленечку, ваше сиятельство!» И склонялся в поклоне. А уж что думал, глядя в спину удалявшемуся фавориту, — про то только ему одному и ведомо.

Наибольшую милость императрицы Екатерины Степан Шешковский заслужил, допрашивая злого бунтовщика Емельяна Пугачева. Ох и нелегкая то была работа! С самого дня 4 ноября 1774 года, когда злодей был доставлен в Москву и помещен в подвале здания Монетного двора, что у Воскресенских ворот, Степан Иванович неустанно, днем и ночью, вел его допросы. Вызвать предстояло многое — не только про бунт, про казни дворян и купцов, но и всю жизнь самозванца от самого его рождения, про то, как возник у него злодейский умысел и кто ему в том помогал. Императрица требовала, чтобы «досконально узнаны были все его плутни, от кого родились и кем вымышлены были». Дело осложнялось еще и тем, что великая государыня при этом непременно хотела, чтобы Пугачев дожил до суда и чтобы во время допросов его не уморили. Так что пытку особенно сильную применять было нельзя. А злодей упирался, давал показания неохотно.

Но Степан Иванович потому и заслужил милость царскую, потому и возглавлял Тайную экспедицию, что из любого положения умел найти выход. Если нельзя было поместить бунтовщика на дыбу или рвать его каленым железом, то можно было применить другие методы. Например, старые раны. В Симбирске, где были проведены первые допросы схваченного бунтовщика, допрашивающие — граф Панин и начальник секретных комиссий генерал-майор Потемкин — еще не имели от государыни повеления беречь под-

судимого и пытки применяли. Те пытки ничего особо ценного не дали: хотя злодей тогда многих и оговорил, позже от тех своих слов отказался. Зато пытки оставили на теле бунтовщика раны. И можно было, не нанося новых видимых увечий, использовать старые. Что коллежский советник Шешковский и делал, и допросы стали успешно продвигаться.

Спустя месяц после начала следствия, в начале декабря, все основные сведения были следствием получены. Бунтовщик признался, когда и где возник у него замысел назвать себя именем покойного императора Петра III, кому он первому открыл свое новое имя, кто и когда поддержал бунт. Не называл он одного, причем упорно, — тех знатных особ, которые подсказали ему такой дерзкий замысел. Славная императрица Екатерина Алексеевна была убеждена, что без знатных заговорщиков тут не обошлось, и требовала от Шешковского, чтобы тот вызнал их имена. А злодей не говорил. Отказывался он также признать, что получал помощь от каких-либо иностранных держав. Так что в последние дни, перед тем как предать злодея в руки судей, Степан Иванович был занят в основном выяснением этих двух вопросов.

Вот и в этот день, 17 декабря, Шешковский снова бился, стараясь выполнить волю государыни. Хотя какой там день! День давно закончился, ночь наступила, а глава Тайной экспедиции все не отступался от узника.

— Говори же, злодей, кто из знатных особ к тебе на Яик приезжал и тот воровской план тебе подсказал? — настаивал Степан Иванович. — Кто научил тебя назваться императором Петром III?

— Не было того, ваше благородие, — отвечал Пугачев. — Никто мне тот замысел не подсказывал, да и нужды в подсказке не было. Я тебе уже сказывал, что от природы наделен бойким характером, который мне не позволяет на одном месте оставаться и одну лямку тянуть, хоть бы и была та лямка нетрудна. Все мне перемен хочется, вольной жизни. Ведь я после первой опалы, когда зятю своему со службы бежать пособил, смог снова паспорт получить и к законной жизни вернуться. Жил бы себе и жил в Оренбургском краю...

— А что ж не жил? — спросил следователь. — Небось кто-то тебя соблазнил, план тот представил?

— Да нет, никто меня не сманивал. Это судьба моя за язык меня потянула, ну, я и сбреши казакам, с кем выпивал, что я-де государь Петр Федорович, чудом спасшийся от убийства. Так и пошло.

— Но о чем ты думал, когда назвался царем? — настаивал Шешковский. — Какие планы строил?

— Нет, не понимаешь ты меня, ваше благородие! — покачал головой Пугачев. — Никаких планов я не строил. Я же говорю, скучно мне жить, как все люди, воля меня манит. Да вот хочешь, я тебе сказочку одну расскажу, калмыцкую, мне ее одна старая калмычка сказывала, в этой сказочке все про себя и объясню. Только прежде дай мне

воды испить, а то утомился я говорить, и пить хочется, мочи нет.

— Ладно, давай, сказывай свою сказочку, — ответил следователь. — Государыня прочтет, ей, может, интересно будет.

— А что, матушка-императрица все то читает, что ты за мной записываешь?

— Да, государыня интересуется. Ну, давай, говори.

— Нет, ты сперва дай воды испить.

— Я тебе дам воды, разбойник! — воскликнул Шешковский. — А вот этого не хочешь?

И он, подскочив к закованному в кандалы арестанту, с силой ударил его сухоньким кулачком в правое плечо. Метил Степан Иванович точно — там, на плече, после допросов в симбирском застенке у Пугачева осталась рваная рана, которая никак не заживала. Потому, хотя бил Шешковский не сильно, арестант от удара взвыл.

— Вот тебе вода, собака! — повторил глава Тайной экспедиции. — А будешь упорствовать, еще получишь. Давай, говори, что обещал.

— Ладно, ваше благородие, слушай. Сказка такова. Встретились раз орел с вороном. И орел спрашивает: «Скажи, ворон-птица, отчего ты триста лет живешь, а я лишь тридцать три года?» Ворон ему в ответ...

— погоди, не спеши так, — остановил рассказчика Шешковский. — Тебе легко языком болтать, а мне писать надо. Вот, записал, давай дальше.

— Ворон, значит, ему отвечает: «Потому что я питаюсь мертвечиной, а ты кровь живую пьешь». «Ну, — говорит орел, — тогда я тоже, как ты, по-пробую». Вот полетели они в поле, видят — лошадь павшая лежит. Ворон сел на нее, давай клевать, клюет — и нахваливает. А орел клюнул раз, другой и говорит: «Нет, не могу я падалью кормиться. Лучше всего тридцать лет пожить, да попить свежей крови вволю, чем триста лет питаться мертвечиной!»

— Что, все? — спросил следователь, видя, что арестант замолчал.

— А ты больше, что ли, хочешь? — удивился Пугачев. — Эта сказка кончилась. А если ты из нее ничего про меня не понял, могу другую рассказать — про волка и волкодава. Но эту уж точно скажу, если только воды дашь испить.

— Ты не на базаре, мошенник! — вскричал Шешковский, рассерженный дерзостью крестьянского «императора». — И хватит с меня твоих сказок! Не желаю слушать ни про волков, ни про лис, ни про каких еще бестий. Сказывай сейчас, кто из знатных особ к тебе на Яик приезжал или в ином месте с тобой, вором, встречался!

— Я бы с радостью сказал, ваше благородие, да не могу, потому как особ таких не было, — ответил бунтовщик.

— Ах, ты опять за свое! — крикнул Степан Иванович, схватил лежавший подле него кнут и принялся лупить арестанта.

Бил, пока не утомился. Аж рука болеть начала от усилий. А толку никакого — злодей только

стонал да зубами скрипел. Бросил Степан Иванович кнут, отер пот со лба, погасил свечу, что на столе стояла. Взял бумаги, что за сегодняшний день записал, и пошел прочь из подвала. Уже был в самых дверях, когда злодей позвал:

— Барин, а, барин!

— Ну, чего тебе? — неохотно обернулся Шешковский.

— Пить вели подать, а то мочи нет. Умру ведь за ночь!

На секунду душу Степана Ивановича кольнул испуг — а вдруг и правда помрет? Но тут же тот испуг прошел. Шешковский за годы службы людишек досконально изучил. Про Пугачева он понял, что этот тип весьма живучий. Такой и в воде не утонет, и без воды проживет. Мучиться будет, но проживет. А что помучается — так то даже лучше, может, к утру сговорчивей станет.

— Умрешь — туда тебе, вору, и дорога, — сурово произнес Степан Иванович. — И завтра воды не получишь, пока имена мне не назовешь. — И ушел.

Оставшись один, арестант затейливо выругался в адрес ушедшего барина. Затейливо, но без особой злобы. Потому как донской казак Емельян Иванович Пугачев по характеру своему был человек лихой, но не злобный. А еще потому, что тоже разбирался в характерах людей, с которыми его сводила судьба. И характер Степана Шешковского он хорошо распознал, понял, что тот за человек. А раз понял, чего злиться?

Злиться было нечего, надо было терпеть до утра. Хотя чувствовал себя арестант и правда плохо. Мучила жажда, саднила нарочно задетая следователем рана, даже в голове от слабости мутилось. Вероятно, поэтому арестанту вот уже второй раз за вечер чудилось в углу подвала некое словно бы мерцание. В первый раз такое случилось еще во время допроса — когда он сказку про орла и ворона рассказывал. И вот снова. Что ж, Пугачеву было не привыкать. Когда в Симбирске начальник секретных комиссий Павел Сергеевич Потемкин ему жилы тянул и каленым железом жег, тоже разные видения являлись. Потерпеть надо.

Пугачев повозился, устраиваясь на тощей охапке соломы, что заменяла ему постель, вытянул ноги, закрыл глаза. Сама собой вспомнилась казацкая песня, и он затянул:

Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой...

Не допев песню до конца, арестант погрузился в сон. Через какое-то время он вдруг проснулся от какого-то шороха и, открыв глаза, не поверил тому, что увидел. А увидел он в слабом свете лампадки, что тлела под иконой Божьей матери, как в том самом углу, где чудилось ему мерцание, возник ниоткуда некий юноша. Отрок был строен и лицом светел. Одежды же не имел никакой, только некий покров блестящий его наготу прикрывал. Пугачеву почудилось, что некогда он уже

видел этого отрока, только когда, где — не мог упомнить.

— Свят, свят Господь, — забормотал арестант. — Спаси и помилуй!

— Не бойся, — произнес отрок. — Я тебе плохого не сделаю.

— Верю, что не сделаешь. Такие зла не делают. Ты кто будешь — ангел Господень, верно?

— Можно и так сказать, — уклончиво ответил отрок. — Где тут у вас вода? Ага, вижу.

Он шагнул к стоявшей в стороне кадке, зачерпнул ковш и поднес его к губам заключенного. Того не пришлось упрашивать: ковш был выпит вмиг. Юноша зачерпнул другой, подождал, пока арестант выпьет и его, потом отодвинул с плеча Пугачева армяк. Открылась рана — та самая, куда старался попасть кулаком глава Тайной экспедиции. Он осмотрел рану и, покачав головой, пробормотал:

— Эх, жаль, мази никакой нет... Ладно, попробую так...

Приблизил к ране обе руки, стал водить над ней. Сам глаза закрыл и забормотал что-то: должно быть заговор или молитву особую. Арестант почувствовал, что боль в плече постепенно стихает.

— Ну что, лучше? — спросил пришелец.

— Как заново родился! Спасибо тебе, ангел Божий! Ты что же, послан меня перед смертью утешить? Слышал я от старых людей, что бывает такое, что посылает Господь посланцев

своих к тем, кому помирать скоро. Утешить, к смерти приготовить. Что, наутро казнят меня, так?

— Нет, не так, — покачал головой отрок. — Помирать тебе, Емельян Иванович, пока рано. Хотя врать не буду, казни тебе не избежать. Но случится она позднее, месяц еще поживешь.

— И то хорошо, — сказал Пугачев. — А раз так, значит, ты прислан, чтобы исповедь мою принять. К этому я готов, прими, отрок, мое исповедное слово!

— Нет, Емельян Иваныч, не приму я от тебя исповедь, — возразил ночной гость. — И права такого не имею, да и не нужно мне это. Я ведь уже тут, в подвале, несколько раз появлялся, многое слышал из того, что ты следователю рассказывал.

— Ага, не зря, значит, я мерцание в углу заметил! — воскликнул Пугачев. — Это ты, стало быть, там скрытно находился! Но, если ты не за душой моей пришел и не за исповедью, тогда зачем?

— Ну, во-первых, хотелось тебе помочь, — ответил отрок. — Боль утишить, ободрить, жажду утолить.

— За то тебе спасибо великое, — горячо проговорил арестант. — И напоил, и боль унял, и ободрил. Но ты сказал — «во-первых». А еще зачем же?

— Надо мне от тебя кое-что услышать, — объяснил гость. — То самое, чего и палач добивал-